

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ ТАШКЕНТ

г. Ташкент

11 АВГ 1979

Актер Омского театра музыкальной комедии Г. В. Котов уже успел завоевать популярность ташкентских зрителей ярким исполнением ролей в спектаклях «Мистер Икс», «Бабий бунт», «Севастопольский вальс», выступлениями в других постановках, которые привезли на гастроли омичи.

Сегодня Г. В. Котов — гость «Субботнего вечера», точнее рубрики «А еще был случай».

...Художавый, светловолосый паренек ни на шаг не отставал от плотного, небольшого роста дяди Саида. Вместе ходили по улицам «старого города», вместе беседовали жаркими летними вечерами. Они сразу же почувствовали друг к другу взаимную симпатию — 50-летний Саид-ака, у которого дети давно уже были взрослыми, и девятилетний Егор Котов, сын временно проживавших в Ташкенте актеров Оренбургского театра оперетты.

Это было в 1949 году, когда творческий коллектив из Оренбурга приезжал на гастроли в наш город.

Часть актеров была размещена тогда на житье в частном секторе. Было трудное послевоенное время, но в каждой семье артистов приняли как самых дорогих и желанных гостей.

Мог ли предполагать тогда девятилетний паренек, что ровно через 30 лет он снова встретится с Ташкентом, снова будет бродить по городу, поражаясь его новостройкам и не узнавая его.

Судьбе было угодно, чтобы он снова попал сюда. Только теперь в Ташкент приехал не маленький мальчик, а один из ведущих артистов Омского театра музыкальной комедии, заслуженный артист республики Георгий Валерианович Котов.

— За эти годы много воды утекло, — говорит артист. — Я успел поработать в Оренбургском театре драмы, окончить отделение актеров музыкальной комедии в ГИТИСе, сыграть более 200 ролей на опереточной сцене — Бони в «Сильве», Зуппана в «Марице», Мишку-япончика в оперетте «На рассвете», Степана Крутикова в «Капитане первого ранга» и много, много других — ведь на опереточной сцене я без малого 15 лет.

● А еще был случай...

СЕМНАДЦАТЫЙ ДУБЛЬ

— И, наверное, были за эти годы в вашей работе какие-нибудь необычные ситуации, которые подошли бы для нашей рубрики «А еще был случай»...

— Конечно, были. Но я хочу рассказать не о своей работе в оперетте, а о съемках в кино. Хотя бы потому, что каждый конкретный спектакль «живет» два-три часа, а кинолента — годы. Тем более, что лента, о съемках которой я хочу рассказать, хорошо знакома не одному поколению зрителей.

Я имею в виду фильм «Иван Бровкин на целине» нашего замечательного кинорежиссера Ивана Владимировича Лукинского. Эпизод, о съемках которого пойдет речь, находится где-то в середине ленты.

Помните, идут по широкой деревенской улице несколько парней и девушек — товарищи Ивана Бровкина — и поют песню про целину. Один из этих парней — я.

На экране зритель видит великолепный закат, чувствует по героям, как приятен им теплый, ласковый летний вечер.

Так вот, никакого теплого ласкового вечера не было и в помине. Съемки велись недалеко от Оренбурга уже под осень, когда температура упала чуть ли не до нуля.

Едва помощник режиссера вытряхнул нас из теплых костюмов и обрядил в легкие летние финки, как у нас застучали от холода зубы и поползли мурашки по телу.

— Сейчас, сейчас, начинаем, — подбадривал нас Иван Владимирович Лукинский.

Наконец, прозвучала команда «Мотор!», и мы «рванули» песню. Но едва пропели первый куплет, как послышалась команда режиссера:

— Стоп!

— Почему вы, Леня, играете человека, съезшего как минимум 40 порций эскимо в один присест? — ехидно поинтересовался режиссер у исполнителя главной

роли Леонида Харитонов.

— Вам бы такое эскимо, — простучал зубами Харитонов и махнул рукой — давайте, мол, все сначала...

— Мотор! — снова раздалась команда режиссера-постановщика.

— Вам жарко! — пытался настроить нас на соответствующий тонус второй режиссер. — У ваших героев отличное настроение, впереди их ждут отдых, прохладный душ...

При слове «душ» сдали нервы у другого участника съемок.

— Не надо про душ, — тихо попросил он.

— Чего? — не понял режиссер.

Съемка и этого дубля была сорвана.

Потом были третий дубль и четвертый, пятый и шестой, седьмой и восьмой... Наконец сделся сам режиссер. Он что-то шепнул вездесущему помрежу, и буквально через минуту рядом с нами стояла бутылка коньяка.

Всем участникам съемок выдали по 50 граммов. Но если для почти уже 30-летнего Харитонova это была как раз та доза, которая помогла ему согреться, то для меня, вчерашнего десятиклассника, это оказалась первая в жизни порция столь крепкого напитка.

Все буквально покатились со смеху, видя выступившие на моих глазах слезы и то, как я нелепо размахиваю руками в поисках не существующей закуски.

Не знаю, оказалось ли бы действие коньяка столь полезным для съемок, если бы не Михаил Иванович Пуговкин.

— Когда прозвучала команда «Мотор!», от которой у нас сразу, уже чисто рефлекторно поползли мурашки, Пуговкин забежал за камеру и, едва мы вошли в кадр, изобразил, как я пил свою «согревающую дозу». Никто, в том числе и мы, исполнители, не смогли сдержать улыбок.

С этими улыбками мы и попали на экран. Это был семнадцатый дубль...